

Френсис Скотт Фицджеральд

Возвращение в Вавилон



Часть сборника
Богатый мальчик (сборник)



Френсис Фицджеральд
Возвращение в Вавилон

«ЭКСМО»

1931

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

Фицджеральд Ф. С.

Возвращение в Вавилон / Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо»,
1931

«...Проходя по коридору, он услышал один скучающий женский голос в некогда шумной дамской комнате. Когда он повернул в сторону бара, оставшиеся 20 шагов до стойки он по старой привычке отмерил, глядя в зеленый ковер. И затем, нащупав ногами надежную опору внизу барной стойки, он поднял голову и оглядел зал. В углу он увидел только одну пару глаз, суетливо бегающих по газетным страницам. Чарли попросил позвать старшего бармена, Поля, в былые времена рыночного бума тот приезжал на работу в собственном автомобиле, собранном под заказ, но, скромняга, высаживался на углу здания. К сожалению, Поля не было, и Аликс рассказал ему последние новости...»

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Фицджеральд Ф. С., 1931
© Эксмо, 1931

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Возвращение в Вавилон

I

- И где же мистер Кэмпбел? – спросил Чарли.
- Уехал в Швейцарию. Он тяжело болен, мистер Уэльс.
- Жаль. А где Джордж Хардт? – поинтересовался Чарли.
- Он вернулся в Америку, устоился на работу.
- А где же наш Snow bird?
- Он навещался на прошлой неделе. Но его дружок, мистер Шаффер, все равно в Париже.

Всего два имени в длинном списке из прошлой жизни. А ведь прошло только полтора года. Чарли записал адрес в записную книжку и оторвал листок.

– Если увидишь мистера Шаффера, передай ему это. Здесь указан адрес моего свояка. Я еще не выбрал, где остановлюсь.

На самом деле он не особо расстроился, что в Париже никого из прежних знакомых не осталось. Но тишина в баре «Ритца» была странной и пугающей. Бар больше не был американским, здесь нужно вести себя подобающим образом, а не так, как будто ты хозяин. Бар снова стал частью Франции. Чарли почувствовал тишину сразу, как только вышел из такси и увидел швейцара, болтающего с таксистом.

Проходя по коридору, он услышал один скучающий женский голос в некогда шумной дамской комнате. Когда он повернул в сторону бара, оставшиеся 20 шагов до стойки он по старой привычке отмерил, глядя в зеленый ковер. И затем, нащупав ногами надежную опору внизу барной стойки, он поднял голову и оглядел зал. В углу он увидел только одну пару глаз, суетливо бегающих по газетным страницам. Чарли попросил позвать старшего бармена, Поля, в былые времена рыночного бума тот приезжал на работу в собственном автомобиле, собранном под заказ, но, скромняга, высаживался на углу здания. К сожалению, Поля не было, и Аликс рассказал ему последние новости.

– О нет, – сказал Чарли. – Я завязал.

Аликс поздравил его.

– А пару лет назад вы сильно закладывали...

– Я держусь, – уверил его Чарли, – завязал полтора года назад.

– Как жизнь в Америке?

– Я несколько месяцев не был там. Сейчас в Праге, представляю пару концернов там.

Они ничего обо мне не знают.

Аликс улыбнулся.

– Ты помнишь мальчишник Джорджа Хардта? Слушай, а ты ничего не слышал о Клоде Фесендене? – спросил Чарли.

Аликс понизил голос и сообщил:

– Он в Париже, но не ходит сюда больше, Поль не разрешает. Его счет перевалил за 30000 франков и включает в себя все его ланчи, обеды и напитки за целый год! А когда Поль попросил заплатить, тот дал ему фальшивый чек. Аликс покачал головой: – Не могу понять, такой щеголь! А теперь он весь опух. – И показал руками.

Чарли посмотрел на шумную группу гомиков, усаживающихся в углу.

«Их ничто не берет, – подумал Чарли. – Акции растут и падают, люди бездельничают или работают, но они будут всегда». Это место угнетало его. Он попросил кости и сыграл с Аликсом на напиток.

– Вы здесь надолго?

– Я на четыре-пять дней. Хочу повидаться с дочерью.

– У вас есть маленькая дочь?

Огненно-красные, ярко-голубые, тускло-зеленые огни вывесок светились сквозь тихий дождь. День перевалил за половину, и на улицах все засуетилось; кафе открылись. На бульваре Капуцинов он поймал такси. Площадь Согласия проплывала в своем розовом величии. Они перебрались на другой берег такой постоянной Сены, и Чарли вдруг заметил всю провинциальность левого берега. Он попросил такси проехать по проспекту Оперы, хоть это было и не по пути, чтобы полюбоваться, как сумерки опускаются на волшебные фасады, и услышать в гудках такси, постоянно повторяющих первые такты «Медленного вальса» Дебюсси, трубы Второй империи. Перед книжным магазином Брентано закрывали железную решетку. У Дюваля за мещанскими кустиками все столики были заняты. В Париже он никогда не ел в по-настоящему дешевых ресторанах. Обед из пяти блюд, четыре с половиной франка, – это всего лишь восемнадцать центов, включая вино. По каким-то причинам сейчас он пожалел об этом.

Когда они переехали на левый берег, со всей его простоватостью, он подумал: «Я сам для себя испортил этот город. Я не осознал это, но дни проходили один за другим, а потом пролетели и два года, все прошло, я сам себя потерял».

Ему было тридцать пять лет, он хорошо выглядел. Ирландская живость в лице смягчалась глубокой морщиной между бровей. Когда на улице Палатин он позвонил в дверь родственников, брови сомкнулись – морщина стала глубже. Живот свело судорогой.

За спиной прислуги, которая открыла дверь, мчалась маленькая девочка девяти лет с криками: «Папочка!» В его руках она подпрыгивала, трепыхалась словно рыбка. Она обхватила его голову руками и прижалась щекой.

– Моя булочка, – сказал он.

– Папочка, папочка, папочка, папочка!

Она втащила его в комнату, где ждалась вся семья: мальчик и девочка одного возраста с ней, его свояченица и ее муж. Он поприветствовал Марион.

...

Он поприветствовал Марион с тщательно выбранной интонацией, в которой не было ни показного энтузиазма, ни неодобрения, но ее ответ прозвучал куда более прохладно, хотя она и постаралась спрятать выражение нескрываемого недоверия за доброжелательностью по отношению к его ребенку. Двое мужчин по-дружески пожали руки, и Линкольн Петерс на мгновение задержал свою на плече Чарли.

В комнате было тепло и по-американски комфортно. Трое детей бегали поблизости, играя в желтых квадратах коридора, который вел в остальные комнаты, приближение шести часов вечера чувствовалось в энергичных всполохах камина и типично французских звуках на кухне. Но Чарли не мог расслабиться, сердце тяжело стучало, так что ему пришлось позаимствовать немного уверенности у собственной дочери, которая время от времени подходила к нему, сжимая в руках принесенную им куклу.

– Действительно на удивление хорошо, – настойчиво повторил он в ответ на вопрос Линкольна. – Не так уж много контор, у которых дела идут на лад, но у нас все хорошо как никогда. Правда, чертовски хорошо. В следующем месяце из Америки приедет сестра, будет присматривать за моим домом. Мой доход в прошлом году был больше, чем в то время, когда я был на подъеме. Видишь ли, эти чехи...

Похваляясь таким образом, он преследовал определенную цель, но спустя мгновение, уловив тень неодобрения в глазах Линкольна, поменял тему:

– Какие славные у вас дети, воспитанные, с хорошими манерами.

– Нам кажется, что Гонория тоже очень милый ребенок.

Марион Петерс вернулась с кухни. Она была высокой женщиной с тревогой в глазах, некогда бывшей по-американски свежей и миловидной. Однако на Чарли эти чары никогда не действовали, и он всегда удивлялся тому, что люди говорили о ней как о редкой красавице. С самого начала между ними установилась инстинктивная антипатия.

– Ну что же, и как ты находишь Гонорию? – спросила она.

– Чудесно. Я был изумлен, увидев, как она выросла за десять месяцев. Все дети выглядят очень хорошо.

– Доктор не был здесь уже год. Как тебе возвращение в Париж?

– Это очень забавно, когда вокруг так мало американцев.

– Я очень рада, – страстно сказала Марион. – Теперь наконец можно пойти в магазин, не заставив их подозревать в тебе миллионера. Мы пострадали, как и все, но в общем и целом есть в этом и хорошая сторона.

– Но было приятно, пока это все длилось, – сказал Чарли. – Мы были наподобие королей, практически неприкосновенные, жившие в атмосфере настоящего чуда. Сегодня в баре... – он запнулся, осознав свою ошибку, – не было никого, кого бы я знал.

Она внимательно посмотрела на него.

– Мне казалось, что тебе достаточно баров.

– Я зашел всего на минутку. Я выпиваю по стаканчику каждый день, но не более того.

– Не хочешь коктейль перед ужином? – спросил Линкольн.

– Я пью не больше одного раза в день, и на сегодня моя норма уже выполнена.

– Надеюсь, так и будет продолжаться, – сказала Марион.

Ее неодобрение было очевидно благодаря ледяному тону, но Чарли только усмехнулся; у него были куда более серьезные планы. Ее столь заметная агрессивность давала ему преимущество, и он достаточно знал, чтобы спокойно подождать. Он хотел, чтобы они начали разговор о том, что, по их мнению, привело его в Париж.

За ужином он не мог решить, на кого же Гонория больше похожа, на него или на свою мать. К счастью, если бы она не соединяла в себе черты их обоих, это могло бы привести к катастрофе. Огромное желание защищать ее прошло волной по его телу. Он думал, что знает, что он должен делать для нее. Он верил в силу характера, и как бы ему хотелось вернуть предыдущее поколение, для которого характер был непререкаемой ценностью. Однако всему приходит конец.

Он уехал вскоре после ужина, но отправился не домой. Ему было любопытно посмотреть на Париж ночью, оценить его более ясным и трезвым взглядом. Он купил билет на откидное место в казино и посмотрел на Джозефину Бейкер и ее шоколадные арабески.

Спустя час он ушел и отправился в сторону Монмартра, вверх по улице Пигаль к площади Бланш. Дождь закончился, и он увидел людей в вечерних нарядах, выходящих из такси, остановившихся перед кабаре, кокоток, прогуливающих поодиночке или парами, и очень много негров. Он шагнул в освещенный проем, за которым звучала музыка, и остановился с чувством узнавания. Это был «Бриктоп», место, в котором он оставил столько времени и денег. Несколькими дверями далее он обнаружил еще одно знакомое старинное местечко и неосторожно сунул голову внутрь. Оркестр незамедлительно взорвался музыкой, пара профессиональных танцоров вскочила на ноги, а метрдотель бросился к нему, восклицая:

– Сейчас все начнется, сэр.

Но он быстро ретировался.

«Для такого нужно быть изрядно навеселе», – подумал он.

«У Зелли» был закрыт, темные и мрачные отели, окружающие его, погружены во мрак, но вверх по улице Бланш было больше света, там прогуливалась местная французская публика. «Пещера Поэта» исчезла, но открытые пасти «Небес» и «Кафе Преисподней» все еще заглатывали, вернее, жадно пожирали скромное содержимое туристического автобуса: немец, японец и американская пара, испуганно на него смотревшая.

И это результат всех усилий и изобретательности Монмартра. Обслуживание порока и расточительности было на уровне, достойном разве что детского сада, и он внезапно осознал значение слова «рассеяться» – рассеиваться в воздухе, делать ничего из чего-то. Перед рассветом каждое перемещение от одного места к другому было невероятным человеческим усилием, стоимость привилегии никуда не спешить возрастала.

Он вспомнил тысячефранковые купюры, отданные оркестру за одну-единственную песню, и стофранковые купюры, брошенные швейцару за поиск такси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.